

Геннадий Зельдович

Rec.: Vera Mitrinović, *Południe – Północ.*

Serbsko-polskie paralele językowe,

Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2012, 360 ss.

Книга принадлежит перу известного профессора Белградского и Познанского университетов, человека, снискавшего славу «культурного посла» Польши в Сербии и Сербии в Польше, и является своего рода итогом двадцатилетних исследований в области польско-сербохорватской и, шире, вообще славянской сопоставительной грамматики. Книга содержит работы на польском, сербском, русском, английском, французском языках и делится на четыре части. Часть I посвящена предлогам и приставкам, часть II различиям в реализации грамматических структур в сербском и польском языках, часть III прагматике нарративного текста, часть IV проблемам преподавания славянских языков.

Первая статья части I называется *On an apparent correspondence: adjectives of the type przepiękny, przesławny in Polish and their counterparts in Serbo-Croatian* ('Об одной ложной эквивалентности: польские прилагательные типа *przepiękny, przesławny* и их сербохорватские соответствия'). Здесь показано, во-первых, что продуктивность прилагательных типа *przepiękny, przesławny* в польском языке намного ниже, чем в сербском; во-вторых, что у сербских соответствий развились два разных значения, элативное ($\approx$ 'в высшей степени') и энормативное ('слишком', 'признак выражен в такой степени, которая мешает осуществиться чему-то ситуативно значимому и обычно рассматриваемому как желательное'), в то время как польский язык второго значения не знает.

Этот вывод кажется весьма интересным в широкой теоретической перспективе. Как я надеюсь показать в будущем, польский язык по крайней мере на уровне морфосинтаксиса весьма последовательно (во всяком случае ощутимо последовательнее, чем русский) маркирует всякое отклонение от нормы, в первую очередь необычный уровень индивидуализации, «опознаваемости» актантов. Если осторожно предположить (хотя это, конечно, нуждается в тщательной многосторонней проверке), что такая чувствительность к норме и вообще характерна для польского языка, должен возникнуть вопрос, почему идея «ненормальности» не сопряглась с польской приставкой PRZE-. Отличаются ли вообще сколько-нибудь существенно сербский и польский языки по их чувствительности к тем или иным аномалиям, по склонности те или иные аномалии специально маркировать? Есть ли здесь вообще заметные различия между разными языками, иными словами, релевантен ли подобный параметр для классификации языков? Все эти далекие от разрешения и важные вопросы поднимает в конечном счете первая статья книги.

В следующей работе, *Polski prefiks czasownikowy prze- a serbskie/chorwackie pre- i pro-* ('Польский глагольный префикс *pre-* и сербскохорватские префиксы *pre-* и *pro-*'), сделана попытка сопоставить понятийные области, которые соответствуют семантике этих приставок. Обнаруживается, что в двух языках не совпадает ни объем этих областей, ни – даже в их общей части – их внутренняя структура. В частности, польское PRZE- намного продуктивнее в пердуративах, которые в польском иногда образуются даже от телического глагола, а в сербохорватском это невозможно; сербохорватский префикс PRO- часто имеет инхоативное и диминутивное значения, чуждые польскому PRZE-. Что касается центрального, наиболее прототипического для всех этих приставок пространственного, в том числе «пенетративного» (связанного с «проникновением» сквозь что-то) значения, то здесь сербохорватский язык может специально – с помощью приставки PRO- – маркировать наш интерес к движению как таковому, к самому его процессу, так сказать, «качеству», и специально – приставкой PRE- – маркировать наш интерес к начальной и/или конечной точке этого движения, его «траектории».

Нужно сказать, что и эти выводы автора могут представлять не просто частный, локальный, но и общетеоретический интерес. Принято думать, что при обозначении движения одни языки проявляют более пристальное внимание к его способу, а другие – к «траектории»: ср. соответственно англ. WALK IN 'войти, входить' и ENTER 'войти, входить', где в первом случае идея конечной точки движения выражена специальным послелогом IN,

основное же, идущее от корня WALK значение слова связано со способом перемещения, а во втором случае этот способ не специфицируется, зато уже в корне слова выражается представление об исходной и конечной точке. Хотя в английском слова двух типов иногда синонимичны, в целом этот язык ориентирован скорее на интерес к *способу* движения. Примером противоположной ориентации может быть испанский, несомненным образом язык «траекторный», где, в частности, идею ‘войти, входить’ выражает глагол ENTRAR, целиком подобный английскому ENTER, но никакого сколько-нибудь употребительного, фразеологического средства указать на способ движения здесь в испанском нет.

Устоялся взгляд, будто славянские языки тяготеют к описанию движения с точки зрения его способа. Скажем, в русском такой «траекторный» глагол, как ПРИБЫТЬ, употребляется редко, по стилю скорее маркирован, формален и вдобавок кажется носителям русского языка слишком бледным, «бесцветным» по сравнению с уточняющими способ движения ПРИЙТИ, ПРИЕХАТЬ, ПРИЛЕТЕТЬ, ПРИПЛЫТЬ, ПРИПОЛЗТИ, в конце концов обильно представленными в русском разговорными или просторечными словами типа ПРИТОПАТЬ, ПРИЧУХАТЬ и т.д. Что же касается противоположного значения, ‘начать/начинать двигаться и поэтому перестать/переставать находиться в каком-либо месте’, то здесь в русском чисто «траекторного» глагола вообще нет – если не считать практически невозможного в речи грамотных людей, «солдафонского» УБЫТЬ.

На этом фоне достаточно последовательно проводимое в сербском разграничение между движением, рассматриваемым с точки зрения его способа, и движением, в котором нас интересует прежде всего «маршрут», представляется очень интересным и заставляет усомниться в расхожем представлении об общей, так сказать, «антитраекторности» славянских языков.

В следующих двух работах, *Функционирование глаголов движения с приставками до- и при- в русском языке в сопоставлении с эквивалентными приставочными глаголами в польском и сербохорватском языках* и *K slovensko-severnoslovanskim jezikovnim vzporednicam, stikom in zvezam (razvrstitev predpon do- in pri- ob glagolih premikanja)* (‘К вопросу о словенско-северославянских языковых параллелизмах, контактах и связях (дистрибуция приставок *do-* и *pri-* при глаголах движения)’), устанавливаются многочисленные сходства, и различия между функционированием приставок типа ПРИ- в русском, польском, сербохорватском и словенском языках и изучаются другие показатели адлативности – приставки

типа ДО- и ПОД-, имеющие в этих языках сходную форму, но далеко не одинаковую функцию.

Сравнительный анализ польского предлога PRZEZ ‘через, сквозь’ и его сербохорватских эквивалентов PREKO и KROZ предпринят в пятой статье книги (*O polisemii przyimków w świetle konfrontacji polsko-serbskiej. (Polski przyimek przez i serbskie preko i kroz)* ‘О полисемии предлогов в свете польско-сербской сопоставительной грамматики. (Польский предлог *przez* и сербские предлоги *preko* и *kroz*)’). Показывается, что сербские PREKO и KROZ сигнализируют о неодинаковом соотношении между так называемыми «ландмарком» и «траектором», чем определяется их неодинаковый метафорический потенциал при переносе их значения в не-пространственную сферу.

В статье *Fonctionnement de l'aspect dans les verbes d'emprunt en polonais et en serbo-croate* (‘Функционирование вида у заимствованных глаголов в польском и сербохорватском языках’) демонстрируется существенно различный статус двувидовых глаголов в сербохорватском и польском. Если в последнем, по мысли автора, наблюдается тенденция к избавлению от двувидовости, то для первого двувидовость скорее органична. Это проявляется и статистически (в польском языке двувидовых глаголов, по данным статьи, около 7 – 8 процентов, в сербохорватском их доля доходит едва ли не до сорока!), и в неравной активности соответствующих морфологических процессов (прежде всего префиксации, которая в сербохорватском на порядок менее часта), и в большей взаимонезависимости между видом и временем у сербохорватского глагола.

Сделанные выводы исключительно важны тем, что решительно опровергают укоренившееся представление о малочисленности двувидовых глаголов во всех славянских языках и побуждают еще и еще раз пристально природу двувидовости исследовать. С другой стороны, выдвигаемое здесь утверждение, будто для польского глагола двувидовость является лишь промежуточным этапом на пути к формальному маркированию аспекта, кажется слишком сильным.

При всей сравнительной редкости в севернославянских языках двувидовых глаголов, особенно глаголов исконных, не заимствованных, есть основания думать, что и здесь биаспективы тоже в определенной степени органичны.

Во-первых, они все же сохранились на протяжении веков – вопреки безусловно существующим тенденциям к вытеснению двувидовости.

Во-вторых, среди польских биаспективов выделяется внушительная группа таких, в чьем значении присутствует представление о *локуции*,

речевом акте: скажем, такие действия, как *anulować* ‘анулировать’, *abdykować* ‘отречься, отрекаться’, *adoptować* ‘усыновить, усыновлять, удочерить, удочерять’, *pasować (na rycerza)* ‘посвятить, посвящать (в рыцари)’, если не всегда, то в типичном случае предполагают, что совершающий их что-то *говорит* или *пишет*.¹

Наличие такой хорошо очерченной, тематически «спаянной» группы двувидовых глаголов едва ли может быть случайностью: гипотеза тем более убедительная, что именно способность к речевому действию наиболее очевидным образом противопоставляет человека остальному миру и, следовательно, соответствующий концепт должен обладать чрезвычайно высокой когнитивной доступностью, делая обсуждаемую общность особенно значимой.

Если, таким образом, польские двувидовые глаголы нельзя признать *всецело случайной* группировкой, то в самом их существовании разумно все-таки подозревать некоторую закономерность. Поэтому обсуждаемое тут различие между польским и сербохорватским языками, возможно, было бы лучше характеризовать не в рамках жесткой схемы «язык стремится VS не стремится избавиться от двувидовости», но в более гибких терминах.

Кстати, очень интересной перспективой подобных исследований было бы сравнение сербохорватского языка с литовским. О последнем благодаря новейшим работам,² известно, что, вопреки долго имевшей власть над умами ученых иллюзии, в нем категория вида не устоялась, грамматикализация его весьма непоследовательна. Не свидетельствует о чем-то подобном такое поразительное изобилие двувидовых глаголов в сербохорватском? В любом случае – каковы здесь сходства и различия и намечаются ли здесь контуры того более универсального пространства возможностей, в которое «помещались бы» другие языки с не до конца грамматикализированным видом? Это целое направление исследований, которое могла бы открывать замечательная работа В. Митринович.

---

¹ Еще нагляднее эта тенденция среди русских двувидовых глаголов; см. Зельдович Г. М., *Почему русские глаголы бывают двувидовыми?*, „Wiener Slawistischer Almanach” 2009, 64, S. 275–330.

² Особенно Ви мер Б., *Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов*, „Вопросы языкознания” 2001, 2, с. 26–58; Аркадьев П. М., *Уроки литовского языка для славянской аспектологии*, „Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации”, Москва 2008, с. 28–43.

В работе *The pluperfect. (Serbo-Croatian and the North Slavonic parallels)* ('Плюсквамперфект. (Параллели между сербохорватским и севернославянскими языками)') прослеживается, с одной стороны, отмирание плюсквамперфекта в севернославянских языках, а с другой – его экспансия в сербохорватском: в частности, здесь у плюсквамперфекта, в дополнение к значению «предшествования», развилось еще и вторичное значение «устраненного результата», результата, который уже отсутствует в момент речи.

Мне кажется, эти выводы автора можно было бы интересным образом соотнести с новейшими общетеоретическими представлениями о природе плюсквамперфекта, согласно которым тем главным, на что указывает в самых различных языках плюсквамперфект, является не «давность», не предшествование действия другому действию в прошлом (как это традиционно предполагалось), но – его *неактуальность*, его «изъятость», исключенность из основного повествовательного ряда, частными случаями которой оказываются и «давность», и «устраненный результат», и многие иные не обсуждаемые здесь значения плюсквамперфекта, вплоть до такого, когда последний сигнализирует об *ирреальности* соответствующего действия³.

Верно ли это для сербохорватского языка? Прослеживается ли в его «классическом», со значением предшествования другому действию в прошлом плюсквамперфекте, эта дезактуализация? Если нет (а примеры и рассуждения автора позволяют именно это предположить), то соответствующие изыскания оказались бы серьезным вкладом в интенсивно развивающуюся сегодня общую теорию «давнопрошедших» времен.

Далее, в части II, следуют работы о различиях в поведении посессивных реляторов типа ЧЕЙ в сербохорватском и польском языках, о различиях в функционировании местоимений третьего лица в сербском, польском и русском нарративном тексте, о некоторых особенностях сербского компаратива, о новейших тенденциях в аспектуальной аккомодации глаголов-интернационализмов в сербском и русском языках.

В третьей части обсуждается проблема перевода сербского итеративного кондиционала (условного наклонения, используемого для обозначения многократности) на русский, польский и английский языки

---

³ Сичинава Д. В., «Сдвиг начальной точки»: *Употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции*, „Грамматические категории в дискурсе”, Москва 2008, с. 241–274.

(на материале произведений Иво Андрича), предлагается ряд заметок о стратегиях перевода на польский сербохорватского плюсквамперфекта, ряд заметок о сербохорватском аористе как переводном эквиваленте польского обычного претерита в нарративных текстах и, шире, о способах перевода польского и русского претерита на сербохорватский язык в нарративных текстах, а также очерк об анализе нарративных текстов в глоттодидактическом плане.

В четвертой части обсуждаются проблемы преподавания иностранных славянских языков сербским студентам.

Нужно ли говорить, что сделанные выше отдельные замечания не только не умаляют достоинств рецензируемой работы, но свидетельствуют о совершенно противоположном: о том, в сколь разных отношениях и планах эта редкостно содержательная и прекрасно написанная (а также, добавлю, достойно изданная) книга способна еще долгие и долгие годы будить исследовательскую мысль.